

Елизавета Федоровна Литвинова

**Джон Локк. Его жизнь и
философская деятельность**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Е51

Елизавета Федоровна Литвинова
Е51 Джон Локк. Его жизнь и философская деятельность / Елизавета Федоровна Литвинова – М.: Книга по Требованию, 2012. – 54 с.

ISBN 978-5-4241-3458-6

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад отдельной книгой в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют по сей день информационную и энергетико-психологическую ценность. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

ISBN 978-5-4241-3458-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Е. Ф. Литвинова
Джон Локк. Его жизнь и
философская деятельность

*Биографический очерк Е. Ф. Литви-
новой
С портретом Локка, гравированным
в Лейпциге Геданом*

Предисловие

Имя Локка настолько известно всем образованным людям, что нет необходимости обосновывать его право на наше внимание. Локк совершил переворот, начатый Бэконом, и его справедливо называют отцом эмпиризма, того мировоззрения и метода, которым мы обязаны всем нашим положительным знанием. Это относится к *содержанию* философской деятельности Локка, но для нас имеет также огромное значение сама форма изложения его мыслей; своей простотой и ясностью оно доступно каждому мыслящему человеку. Для понимания философии Локка нет необходимости знать философию вообще: она вполне самобытна и по содержанию, и по форме, в ней может почерпнуть мудрость человек всякой профессии. Мудрость же эта заключается в приобретении навыка в правильном и самобытном процессе мышления. Такие философы, как Лейбниц, Кант и другие, требуют для изучения специальных знаний и много времени на предварительную подготовку. Локк же может и должен служить настольною книгой каждого обыкновенного человека. В этом отношении его справедливо можно назвать философом-воспитателем, тем более, что вопросы воспитания и образования постоянно занимали его ум. Его педагогические взгляды чужды всякой рутины; они важны не только для родителей и воспитателей, но также способны возбудить общий интерес, потому что это — независимые взгляды на жизнь и ее задачи.

Сама жизнь Локка, на первый взгляд не отличающаяся ничем особенным, представляет много замечательного, если взглянуть в нее попристальнее. Это глубоко нравственная жизнь просвещенного, веротерпимого христианина и в то же время независимый жизненный путь вполне свободного человека. Такое редкое сочетание свободы с религиозностью составляет исключительную особенность Локка.

Глава I

Роль внешних условий в жизни замечательных людей. – Особенности образа жизни Локка. – Главные черты истории Англии XVII века. – Влияние их на Локка. – Рождение Локка. – Воспитание. – Отношение к отцу. – Любовь к свободе и великодушие отца передаются сыну. – Оксфордский университет. – Отношение Локка к дипломатической карьере. – Локк из скромности отказывается занять видное место в духовной иерархии. – Занятие медициной и первое знакомство с лордом Ашли.

Некрасов справедливо говорит:

Кому судьба венец готовит,

Того вопрос куда идти

Не устрасит, не остановит.

Замечательные люди – сознательно или бессознательно – неуклонно выполняют свое назначение; поэтому между их жизнью и деятельностью устанавливается очевидная связь. Внешние условия, бесспорно, также играют важную роль в их жизни, но эта роль отлична от той, которая принадлежит им в судьбе людей обыкновенных. Различие это, впрочем, скорее количественное, чем качественное, а именно: в жизни великих людей отчетливее обнаруживаются те условия, которые преимущественно перед другими имеют решающее влияние на характер и деятельность человека, и это влияние, как бы оно ни видоизменялось множеством иных условий, всегда можно проследить, если внимательно изучить жизнь. Иногда эти условия заметить легко – так они преобладают; в других случаях их приходится отыскивать, чтобы взять как руководящую нить, прежде чем войти в лабиринт мелких событий жизни, запутанных и осложненных множеством влияний.

В жизни Локка, небогатой внешними событиями, эти условия нетрудно подметить. Мы сначала их выясним, а затем уже приступим к изложению фактической стороны его биографии. Эта жизнь имеет свои особенности, о которых нельзя не упомянуть. Если мы проследим жизненный путь Локка, не осветив его предварительно, он покажется нам утомительным и скучным, как формулярный список, в котором слишком часто фигурирует частица «не». Нас поразит совершенное отсутствие личной жизни и всего, в чем особенно отчетливо проявляется характер. Это удивит нас, особенно потому, что Локк представится нам не монахом, не кабинетным ученым, а, как и Бэкон, человеком вполне житейским, который любил и знал жизнь. Однако отсутствием личной жизни Локк превзошел даже Канта; у последнего не было семьи, но он все-таки под конец жизни владел маленьким домиком, имел своего слугу. Локк же был бездомным в полном смысле этого слова; всю жизнь он без всякой внешней необходимости провел в чужом доме, вернее, в чужих домах. Он жил, как птица небесная, которая не сеет, не жнет и не собирает в житницу, отдавался занятиям по влечению и не только не делал себе из них ремесла, но, как видно, никогда не стремился к какой-нибудь цельной определенной деятельности. Его медицинская практика, педагогическая деятельность и государственная служба – все это носит какой-то отрывочный, случайный характер. Он лечит, когда кто-нибудь его заставит, он является государственным деятелем, когда представится возможность, никогда ее не

добиваясь. Таким же характером отличается внешняя сторона его философской деятельности. Мы увидим, что его знаменитое сочинение «Опыт исследования человеческого разума» происхождением своим обязано случаю. Из этого можно заключить, что фактическая сторона жизни Локка как будто противоречит тому, что мы говорили о жизни великих людей вообще; однако это только кажущееся противоречие. Во всех поступках Локка просвечивает одно очень определенное отношение к жизни, сложившееся под влиянием религии. Он всегда смотрел на жизнь земную только как на приготовление к будущей жизни, не придавая ей никакого самостоятельного значения. Этому до известной степени содействовало его крайне слабое здоровье. Люди болезненные иногда живут очень долго, но постоянно смотрят на себя как на гостей здесь на земле. Это сознание ведет иногда к прожиганию жизни, под влиянием мысли: день мой, час мой; чаще же влечет за собой набожность и презрение к радостям жизни. Очень может быть, что слабое здоровье Локка совершенно определило его отношение к жизни. В философии своей, как мы увидим, он стремился примирить интересы науки с требованиями религии. Это отняло у него чрезвычайно много времени и стоило много труда... Религии же обязан Локк полным отсутствием честолюбия, что открыло ему возможность служить только истине и благу человечества. Национальности и историческим условиям также принадлежит своя доля влияния в характере и в жизни Локка.

История Англии в период жизни Локка представляла много замечательного. условия, под влиянием которых совершалось его развитие нравственное и умственное, сложились в царствования Карла I, Карла II и Якова II. Это были условия, которые постепенно привели к революции 1688 года. XVII столетие имеет такое же значение для Англии, как XVIII для Франции. Каждое государство, достигая известной зрелости, оказывает влияние на другие национальности, и влияние это тем сильнее, чем последние ближе к первому по своему развитию. Влияние Англии отразилось непосредственно на Франции и через посредство Франции передалось другим нациям. Но независимо от всего этого история Англии в конце XVII столетия представляет много интересных и поучительных страниц для всякого, кто хочет уяснить себе связь между умственной и нравственной деятельностью человека. Это было время, когда гений английского народа вырабатывал все свои особенности, в которых, однако, проявлялись общечеловеческие свойства.

В биографии Бэкона мы говорили о положении Англии в XVI столетии, когда основы политической и нравственной жизни только что нарождались. Отсутствие нравственного начала проявилось тогда во всей полноте в самом Бэконе. Это было еще до борьбы света с тьмою, которая заняла весь XVII век и окончилась победою света... Борьба противоположных элементов нравственной природы человека воплощалась в борьбе двух крайних партий – прожигателей жизни и пуритан; они никогда не переставали враждовать между собою и смотрели на весь строй человеческой жизни с разных точек зрения и сквозь разные очки. Серьезное для одного класса людей было смешным для другого. Удовольствия одного были мучениями другого. Суровому ригористу даже невинная игра воображения казалась преступлением. Ветреным и веселым натурам торжественность благочестивой братии доставляла обильный материал для насмешек. Писатели также нападали на длинноволосых, гнусливых и плаксивых святош, ко-

торые давали детям своим имена из книги Неемии и считали безнравственным есть изюмную похлебку в праздник Рождества Христова. Однако суровые, неотесанные «изуверы», послужившие двум поколениям мишенью многих шуток, наконец взялись за оружие и победили прожигателей жизни, в свою очередь улыбаясь только мрачно и злобно. Они жестоко мстили и считали *свою* месть *Божьей* карой. Театры были закрыты, актеры наказаны розгами. Печать подчинили строгой цензуре. Это привело к лицемерию и к ложному благочестию; под личиной добродетели жили желания мести и разгула. Реставрация освободила общество от невыносимого ига; старая борьба началась с новым ожесточением. Пуританин никогда не раскрывал рта без библейских выражений, в противоположность ему насмешливые джентльмены изобрели выражения: «накажи меня Бог», «побей меня Бог», «разрази меня Бог» и «будь я проклят Богом». Не удивительно, что литература, являясь всегда отражением жизни, также сделалась безнравственной; то же относится и к театру времен Карла II. Артисты развращали зрителей, а зрители – артистов, требуя от них более и более пикантных острот... Раблепные судьи и шерифы в то бедственное время проливали кровь как воду, поэты же отпускали гнусные шутки по поводу вешания и т. д., даже женщины тогда совершенно лишены были сострадания. Но в то время, когда все общество было погружено в тину мелких помыслов и мелких страстей, в области науки английский гений сделал великий переворот и совершал необыкновенные подвиги человеческого ума. Маколей справедливо говорит, что Бэкон посеял хорошее семя на необработанной почве и в неблагоприятную пору. Он не ждал скорой жатвы и в духовной своей торжественно завещал свою славу другому веку. Философия Бэкона медленно зрела в немногих светлых умах; она зрела среди мятежей, войны и разврата. В то время, когда обыкновенные люди боролись за господство и стремились поработить друг друга, от них отделилась немногочисленная группа мудрецов, которая, отвернувшись с ужасом от этой борьбы, предалась благороднейшей деятельности – изучению природы, лелея гордую мечту о власти человека над материей, завещанную Бэконом. Эти люди работали, писали, проповедовали, но долгое время никто не обращал на них внимания; пока шла борьба, всем было не до того. Когда же спокойствие восстановилось, все обратились к ним, потому что хотя они и не принимали участия в борьбе, но работали не в кельях, а на людях.

Междоусобные войны возбудили энергию и изощрили способности образованных классов. Последствием такого возбуждения явилась ненасытная любознательность. Итак, группа мудрецов оказалась армией спасения; наука дала новое направление и содержание жизни. Опытные науки вошли в моду. Все классы общества были увлечены господствовавшим настроением. Богословы, юристы, государственные люди, аристократы, принцы явились почитателями Бэконовой философии. Поэты наперебой воспевали наступление золотого века. Химия, вместе с вином и любовью, театром, карточным столом, интригами царедворца и демагога, занимала некоторое время внимание непостоянного Бекингема. У короля Карла была также своя лаборатория. Для репутации светского джентльмена почти необходимо было уметь что-нибудь сказать о воздушных насосах и телескопах, и даже дамы считали нужным притворяться, что любят науку. Это был век Ньютона и Локка! Влияние естественных наук благотворно отразилось на практике. Преобразование земледелия шло успешно; возделыва-

лись новые растения, употреблялись новые орудия. Медицина, служившая во Франции предметом насмешек Мольера, в Англии делала блестящие успехи и шла вперед твердыми и верными шагами.

Все эти блестящие успехи знаний не исцеляли, однако, нравственных недугов: всюду слышался громкий и горький ропот труда на капитал... Мужья благородного звания не стыдились бить своих жен. Джентльмены в дни судебных заседаний устраивали прогулки в Брайдвелль, чтобы посмотреть на бичевание несчастных женщин, которые там мяли коноплю. Во время судебных заседаний тощие и желтые колодники приносили с собой из тюремных конур в судебную залу смрадную и заразительную атмосферу. На все эти бедствия общество смотрело с глубоким равнодушием. И все это привело к известной революции 1688 г., к изгнанию династии Стюартов и воцарению Вильгельма Оранского. Вот краткий очерк положения Англии в период жизни Локка до его 56-летнего возраста.

Мы познакомились с тем, что окружало его в разные периоды жизни. И нам нетрудно понять, что должно было главным образом остановить на себе внимание философа. Такие ученые, как Ньютон, были далеки от жизни, и многое из окружающего от них ускользало; Локк же, напротив, хотя и не погружался в мелочи жизни, всегда жил не с книгами, а с людьми, и его не могла не поразить общая безнравственность, о которой мы упоминали. Безнравственность эту наука не исцелила, а только осветила все ее безобразие. Спасения от нее Локк искал в религии – и для себя, и для других. Это обстоятельство, так же как и индивидуальные его свойства, имело огромное влияние на его жизнь и характер деятельности.

Итак, Локк рос и развивался в ту пору, когда в Англии росла и крепла свобода, когда проявления безнравственности достигли высшей степени, когда любовь к естествознанию и ненависть к схоластике витали в воздухе. Все это имело бесспорное влияние на его жизнь и деятельность.

Кост, переводчик сочинений Локка на французский язык, говорит: «Локк был рожден для блага человечества».

Джон Локк, сын Джона Локка, родился в 1632 году в Урингтоне, в семи или восьми милях от Бристоля. Отец его считался очень образованным юристом; он владел значительным состоянием, отличался любовью к свободе и в царствование Карла I служил капитаном в армии парламента. Во время гражданской войны Джон Локк старший лишился значительной части своего состояния, – скорее всего, вследствие щедрости и великодушия, о которых часто упоминает его знаменитый сын. Мать Локка была урожденная Кинг; к сожалению, нам ничего более о ней неизвестно. Но мы знаем, что Локк находился в дружеских отношениях со своими родными по матери. Один из его родственников, Кинг, издал биографию Локка, вернее, собрал для нее материалы. Несмотря на то, что родители Локка вступили в брак в молодых годах, у них было только два сына, из которых Джон был старший. Оба брата отличались слабым здоровьем; младший умер еще юношей. Эта смерть глубоко огорчила родителей и старшего брата.

Как ни мало мы знаем о детстве Локка, нам представляется возможность судить о тех семейных условиях, которые имели решительное влияние на его характер и воззрения. Отец его, состоя в рядах армии парламента, должен был принадлежать к числу людей, способных внушать своим детям любовь к свобо-

де. Жертвует собственные средства на общественные нужды, он подавал пример сыну предпочитать общие интересы личным. Поэтому любовь к свободе и презрение к мелким житейским интересам Локк, можно сказать, унаследовал и заимствовал от своего отца. Легко допустить, что набожность Локка развилась под влиянием матери, которая жила в вечном страхе потерять своих болезненных детей и лишиться мужа, всегда готового жертвовать всем ради своих убеждений. Ей оставалось только молиться и учить тому же детей. Этого немногого уже совершенно достаточно, чтобы объяснить главные черты характера Локка, о которых мы говорили. Он, как все болезненные дети, был не по летам серьезен, поэтому не имел ничего против того монотонного, несколько сурового образа жизни, который вели его родители; может быть, он переносил все это легко также и потому, что связан был со своими родителями чувством самой нежной дружбы, особенно с отцом. Отец Локка всерьез занимался воспитанием сына; он выработал совершенно самостоятельные взгляды на этот предмет.

Впоследствии старший сын с большою похвалой отзывался о его методе воспитания. Когда Локк был ребенком, отец держал его в полном и безусловном повиновении и вдали от себя, затем он мало-помалу приближал его к себе, постепенно заменяя приказания советами; таким образом отношения «начальника и подчиненного» постепенно сгладились и приблизились к полному равенству; отец с сыном стали друзьями.

Джон Локк получил первоначальное образование в Вестминстерской школе; он кончил ее курс девятнадцати лет и поступил в Оксфордский университет. В 1655 году Локк получил степень бакалавра искусств, а через три года заслужил степень магистра. Итак, внешнее образование Локка шло как нельзя лучше. Но его мало пленяли внешние успехи; будущий философ равнодушно относился к своим дипломам, с горестью говорил, что ученье отнимало у него только время, нисколько не удовлетворяя его любознательности и не доставляя ни малейшего удовольствия. И того, и другого искал он в чтении вообще, в особенности же в изучении философии Декарта; со многими мыслями последнего Локк не соглашался, но обаяние гения, даже при таких условиях, было очень велико и плодотворно. В молодости Локк писал стихи, блиставшие остроумием, но не отличавшиеся изяществом формы. Он не особенно уважал поэтов, на чтение их тратил немного времени и не имел терпения подражать им в тщательности отделки своих стихотворений.

Могущество университетов Оксфордского и Кембриджского было во время Локка очень велико. К половине XVII столетия оно достигло своего апогея. Ни одно из соседних государств не могло похвалиться такими богатыми в материальном отношении центрами учености. Звание университетского канцлера было почетным отличием, которого ревностно домогались первые вельможи королевства; аристократы и даже принцы считали за честь носить красную докторскую мантию. Университеты привлекали людей старинными зданиями, богато украшенными средневековою резьбою, новыми зданиями, представлявшими высшую степень искусства Джонса и Река, прекрасными залами и капеллами, музеями, ботаническими садами и единственными большими публичными библиотеками, какие только находились тогда в королевстве. Пышность, которую Оксфорд выказывал в торжественных случаях, могла поспорить с пышностью державных государей. Но Локка, привыкшего к скромному образу жизни своих родителей,

пышность не могла ослепить; он и в то время был полон сознательного презрения к роскоши. Мы сказали, что Локк был недоволен университетским преподаванием так же, как и Бэкон; это показывает, что до поступления своего в университет он имел совершенно определенные умственные интересы. Очень вероятно, что отец и в этом отношении был его первым наставником, так как интерес к вопросам воспитания со стороны отца Локка говорит о склонности его к наблюдению и размышлению.

Дружба с отцом не могла не иметь самого благотворного влияния на сына. К счастью, отец жил довольно долго, и сын не только вырос, но и возмужал на его глазах. Нам известно одно письмо Локка к отцу, относящееся к 1660 г. В нем Локк трогательно просит больного отца не жалеть денег на лечение и поправление здоровья; он говорит, что не рассчитывает на отцовское наследство, а надеется жить своими трудами. Голова и руки – разве это не капитал для всякого человека, а тем более для такого, которому, как ему, так мало надо, и т. д.

Письмо не заключает в себе ничего особенного, но проникнуто с начала до конца нежной любовью к отцу. Что касается стремления Локка приобретать материальные средства, то мы не видим, чтобы он прилагал к этому особые старания.

Он был весь поглощен в то время вопросом об отношениях церкви к государству и посвятил этому предмету свое первое сочинение, которое, впрочем, никогда не было напечатано.

В 1664 году Локку, без всяких хлопот с его стороны, открылась возможность сделать дипломатическую карьеру; он в качестве секретаря сопровождал в Берлин английского посла Вальтера Фена. Из писем его к друзьям мы видим, что он поехал в Берлин скорее в качестве туриста и очень мало думал о дипломатической карьере.

Локк пробыл на континенте около года. Упомянутые письма его к друзьям отличаются наблюдательностью, всегда составлявшей особенность Локка. обстоятельно и живо описывает он решительно все, что обращает на себя его внимание, начиная с положения финансов в Берлине и кончая крестинами одного новорожденного берлинца, при которых ему пришлось присутствовать. В 1664 году мы застаем Локка опять в Лондоне, и нам остается неизвестным, чем обусловливается его отъезд из Берлина. Мы видим только, что он, не имея склонности к дипломатической карьере, собирается занять место при посольстве в Испании, которое ему настойчиво предлагают. Из этого можно заключить, что им были довольны в Берлине, – но, вероятно, занятия такого рода пришлись ему самому не по душе. В конце концов он, вероятно, по той же причине не поехал в Испанию, хотя ему очень хотелось посетить эту страну из чистой любознательности.

Занимаясь вопросом об отношении церкви к государству, Локк познакомился с влиятельными духовными лицами и близко сошелся с некоторыми из них. Один из его приятелей занял важный пост в Дублине и предложил ему видное место в духовной иерархии в Ирландии. Эта должность как нельзя более пленяла благочестивого Локка, но скромность заставила отказаться; он считал себя в то время недостаточно к ней подготовленным.

Нам известно, что Локк имел большую склонность к естественным наукам; она проявилась у него еще в ранней молодости. Он любил наблюдать явления